

А. Т. Тертышный, А. В. Трофимов СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1945–1991 гг.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ

Ветер истории, неспешно играющий волнами воспоминаний в океане событий и фактов, порой как будто внезапно меняет направление, превращается в ураган, стирающий привычные картины мира, разрушающий старые «замки представлений» о «реальном прошлом», стоявшие, как оказывается, на зыбком песке релятивизма и изменчивости человеческих восприятий. Вместе с тем безжалостный по отношению к прежним «кумирам» и ценностям «исторический смерч» играет и созидательную роль, вынося на континенты памяти социума новые образы прошлого. При этом сами современники судьбоносных событий и эпох не всегда осознают, что находятся в эпицентре «исторического цунами», поскольку там-то как раз и существует хрупкая иллюзия спокойствия и стабильности.

Современное российское историческое самосознание не оправилось еще от потрясений XX столетия, но и вглядываясь в прошлое с небольшой исторической дистанции, можно подводить итоги, искать смыслы, константы и тренды, определявшие сущность СССР, его роль и место на мировой сцене после окончания II Мировой войны вплоть до его распада в 1991 г. Актуальность заявленной темы определяется несколькими факторами. Во-первых, тем, что рефлексия недавнего исторического опыта, обращение к советскому периоду истории с полярными ценностными суждениями и оценками является неотъемлемой составляющей современных общественно-политических дискуссий. Во-вторых, отметим, что социокультурные практики в современной России в значительной мере сопряжены с контекстом советской истории, образы недавнего прошлого присутствуют в общественном сознании,

памяти и ментальных кодах нескольких живущих ныне поколений, определяя их представления об идентичности современной России. В-третьих, в современном непредсказуемом мире отношение к истории может являться источником угроз не виртуального, а вполне реального характера. В-четвертых, рассматривая причины и последствия распада СССР, исследователи разработали не менее шести основных концепций: 1) о наличии в системе советского социализма определенных «трещин», слабостей и проблем; 2) о складывающемся в недрах самой системы широком недовольстве народа, направленном против нее; 3) о факторах внешнего воздействия; 4) о контрреволюции, совершенной классом бюрократии; 5) о «недостаточной демократии» и «сверхцентрализации» советской системы; 6) о решающей роли «фактора Горбачева и Ельцина».¹ Двадцатилетний «юбилей» распада СССР — вполне достойный повод разобраться в этом обилии суждений и оценок.

Цель данной статьи — определить основные параметры представлений о СССР (1945–1991 гг.), существующих в границах наиболее заметных историографических направлений и традиций; выявить целостные смысловые образы, сложившиеся в историческом самосознании современной России.

Размышляя о специфике парадигмальности современного исторического знания, О. М. Медушевская отмечает, что «по отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую тра-

Тертышный Анатолий Тихонович — д.и.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор (г. Екатеринбург)

Трофимов Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: 2519612@rambler.ru

¹ См.: Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. СПб., 2010; Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М., 2009; Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010; Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003). М., 2004; Пихоя Р. Г., Соколов А. К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х–1991 г. М., 2008; Саттер Д. Век безумия: распад и падение Советского Союза. М., 2005; Чешко С. В. Распад Советского Союза. М., 2000; Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975–1985 гг. М., 2008; и др.

дицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключаящего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями».²

В связи с трансформацией исторического знания сегодня много говорят о переходе от постмодерна к постпостмодерну на рубеже XX–XXI вв., подчеркивая, что если в условиях постмодернистской раздробленности знаковую функцию выполняла микроистория, то в новой ситуации востребована история осознанного и целостного освоения человеком пространства различных культур, аспекты которых и изучает история исторического знания. В данном контексте историографию рассматривают не как историю постоянного «приращения» знания о прошлом человечества, а как историю создания трудов и концепций историками, каждый из которых обладал своей индивидуальностью и своим личным экзистенциальным опытом, что не позволяет говорить о приближении к «истинной» картине прошлого. Так, М. Ф. Румянцева³ при выяснении целеполагания историографического исследования выделяет три парадигмы. В рамках *позитивистской парадигмы* изучение историографии необходимо для того, чтобы не повторять уже проведенных исследований. Такой подход создает проблемную историографию, т. е. историю изучения отдельных тем и проблем. *Нарративистская парадигма* признает необходимость переосмысления истории в связи с изменением социокультурной ситуации, поскольку историческое целое с течением времени меняется, а концепция «герменевтического круга» предполагает осмысление части (которой является любое историческое событие и даже исторический период по отношению к мировой истории) во взаимодействии с меняющимся целым. В этом случае анализ историографии предполагает

выяснение не того, что не сделали предшественники, а того, что и почему так, а не иначе они сделали. При таком видении задействуется механизм сравнения, а не дополнения: современный исследователь нацелен не на восполнение пробелов, а на сопоставление своего подхода с подходами предшественников. В русле *феноменологической парадигмы* осознается, что познавательный процесс осуществляется не в «чистом разуме» (И. Кант), не каким-то абстрактным «субъектом познания», а человеком, обладающим «историческим разумом» (В. Дильтей) и личным экзистенциальным опытом, тем самым «мое знание о действительности есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится» (А. С. Лаппо-Данилевский).

В существующей ситуации методологического плюрализма и концептуального «многоголосия», одна часть историков, занимающаяся проблематикой XX в., стремится найти консенсусные подходы к оценке его опыта и уроков, полагая, что для современного российского общества необходимо иметь одну версию исторического пути, пройденного нашей страной, общие ценностные ориентиры, обусловленные пониманием узловых, системных констант, инвариантов, присущих российскому социуму (цивилизации) в исторической ретроспективе, без разделения на «хорошие» и «плохие» периоды истории, что, в свою очередь, является залогом успешного, созидательного движения в будущее. Для другой части исследователей важнее свобода самовыражения и поиск исторической истины, какой бы неудобной или неактуальной она ни казалась, главное — опора на исторические источники и факты при полной свободе их интерпретаций. Тем самым внутрицеховые дискуссии историков, по их мнению, должны находить отражение не только в специальной, но и в учебной литературе.

Очевидно, что определенные основания есть в позициях обеих сторон. Различные мировоззренческие и методологические подходы едва ли могут быть сведены к одному знаменателю. В то же время для современного российского социума, расколотого на «атомизированные» частные экзистенции и «молекулярные» групповые, клановые смыслы, крайне необходимо, помимо эффективных экономических проектов (нередко виртуальных), опираться и на духовные ценности, позволяющие говорить о сохранении национальной, социокуль-

² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 15, 16.

³ См.: Румянцева М. Ф. Парадигмальные механизмы современного историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вып. 10. С. 191–193.

турной, цивилизационной идентичности, в частности, в контексте «буксующей» в начале XXI в. модернизации. При этом задача достижения историографического синтеза для поиска и формулирования некоей консенсусной модели восприятия и признания «эталонной» версии прошлого может казаться в равной мере реальной и недостижимой. Но это скорее характеристика современного состояния российского исторического самосознания, для которого стремление к самоидентификации и исторической истине подменяется принятием имитационных моделей, мифов и симулякров, тогда как следует признать, что в исторической перспективе только наличие *общей* истории в ее смысловом содержании содействует осознанию себя обществом, народом, гражданской нацией.

К настоящему времени сложилось несколько историографических направлений и традиций, в русле которых происходит осмысление исторического опыта СССР 1945–1991 гг.

Советская историография послевоенной истории страны складывалась непосредственно в процессе первичной рефлексии в отношении происходивших событий и одновременно как проекция официальных теоретических представлений на практику строительства социализма. «Реперными» точками для исторического анализа служили решения съездов Коммунистической партии, высшего партийно-государственного руководства. При этом создавались такие политико-идеологические концепты, как «завершение строительства социализма», «полная и окончательная победа социализма», «переход к коммунизму», «развитой социализм». Движение исторической мысли шло в узком коридоре, ограниченном официальной трактовкой прошлого, настоящего и будущего как линейного процесса построения социализма-коммунизма в условиях сосуществования с капиталистическим миром.

В начале 1980-х гг., в условиях нарастания проблем и трудностей в реализации перспективных планов развития страны, получила обоснование концепция «развитого социализма». Импульсы корректировки представлений о смысловом содержании советской истории исходили от партийно-государственного руководства, представлявшего на партийных съездах оценки пройденного страной пути, причем в постсталинское время генерация и трансляция этих трактовок зависела не только от политических деятелей, но и все больше от

аппаратных работников, консультантов, представителей общественных наук: А. М. Александрова-Агентова, Г. А. Арбатова, А. Е. Бовина, К. Н. Брутенца, Ф. М. Бурлацкого, А. С. Черняева и др. Создаваемые теоретические концепты имели вполне ясный смысл и значение: они подтверждали, легитимизовали советский исторический опыт, фиксировали успешность его распространения в рамках мировой системы социализма. Символическими «памятниками» этому историографическому направлению остались так и незавершенные многотомные издания «История КПСС», «История СССР», «История социалистической экономики СССР».

Не следует полагать, что «обществоведы» лишь слепо выполняли партийно-государственный заказ на создание идеологизированных, оторванных от социальной реальности концепций, формировавших в общественном сознании «лживые» и «мифологические» представления о сущности советского социализма. Исследования, проведенные в 1960–1980-е гг. известным социологом Б. А. Грушиным, доказывали наличие в Советском Союзе «многослойного», «сложного» общественного мнения, присутствие в нем отголосков многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности, что противоречило официальным политико-идеологическим утверждениям того времени. Согласно этим исследованиям уже в начале 1960-х гг. советское общественное мнение не было одномерным, стабильным, гомогенным.⁴ По данным репрезентативных всесоюзных исследований образа жизни, в 1980–1981 гг. у 54% советских людей жизнь складывалась «хорошо», у 44% — «удовлетворительно» и лишь у 2% — «плохо». В 1986–1987 гг. картина не претерпела существенных изменений: 47% жили «хорошо», 48% — «удовлетворительно», 2% — «плохо». Причем в эти годы были «очень счастливы» 7% опрошенных, «в основном счастливы» — 52%, «не очень счастливы» — 22% и «совершенно несчастны» — 2%.⁵

В начале 1980-х гг., когда историки искали политкорректные дефиниции для существовавшего тогда строя, социологические иссле-

⁴ См.: Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». М., 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Ч. 1. М., 2003; Ч. 2. М., 2006.

⁵ Возмитель А. А. Духовно-цивилизационный разлом // Сайт международной ассоциации конфликтологов: <http://www.confstud.ru/content/view/16/38/1/1>.

дования зафиксировали такие противоречивые мифологическому восприятию советской действительности тенденции, как приватизация образа жизни, т. е. активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентаций по сравнению с общественно-производственными; незаинтересованность подавляющего большинства людей в своей работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством труда и заработной платой; низкий интерес к общественной жизни, и прежде всего в среде рабочих и молодежи, к участию в деятельности огосударственных общественных организаций; формирование особого «советского» типа образа жизни и личности как определенных целостностей, которым свойственно разделение на публичную и частную ипостаси. «Простой» советский человек 1980-х гг. оказался весьма адаптивным субъектом: он вполне благополучно жил в ладу с самим собой, реализуя как одобряемые, так и не одобряемые режимом ценности, успешно манипулируя ими в зависимости от ситуации.⁶ Не удивительно поэтому, что на волне «гласности» и «перестройки» общество оказалось готово воспринимать новые, в основном критические, подходы к советскому периоду истории: наиболее востребованными оказались антисталинские версии, сюжеты и разоблачения «брежневской эпохи», несущие, по замыслу их создателей, очищение от деформаций прошлого, создающие атмосферу поддержки реформаторского курса М. С. Горбачева.

Во второй половине 1980-х гг. началась масштабная ревизия представлений о послевоенной советской истории. В историческом дискурсе появляются понятия «административно-командная система управления», «механизм торможения», «застой», с помощью которых объясняются причины снижения темпа развития советского общества в 1970–1980-е гг.; разворачивается критика созданного в Советском Союзе «деформированного», «казарменного», «государственного» и т. п. социализма;⁷ предпринимаются попытки разработки новой концепции истории КПСС, в духе поиска ис-

тинного социализма и определения причин его дефектов в исторической практике.⁸ Часть исследователей вела «арьергардные бои» с западной советологией, другая часть занималась рецепцией ее достижений. Дж. Боффа в своих книгах, ставших на некоторое время одним из основных источников целостного исторического знания о феномене СССР, не соглашался перечеркнуть всю революционную и послереволюционную историю страны, подчеркивая, что нельзя сводить советскую историю к результатам идеологического заговора. Он постарался доказать, что непрекращающаяся драма российской истории — в противоречии между требованиями демократии, которая перерождается в анархию, в отсутствие контроля, управления и «порядка», и требованиями стабильности, склонными перерастать в авторитаризм и автократию, вплоть до деспотизма.⁹

После распада СССР активизируются поиски концептуальных моделей, объясняющих завершение советского периода истории. В постсоветской историографической традиции, превратившейся из официальной в «маргинальную», становятся популярными концепции «заговора» против СССР, исторического регресса, начавшегося после его распада, и т. п. А. В. Бузгалин, Ю. Н. Жуков, С. Г. Кара-Мурза, В. Г. Кожинов, А. И. Колганов, М. Г. Суслов, А. И. Уткин и другие исследователи используют возможности формационного и цивилизационного подходов, рассматривая советский период в целом как успешный и прогрессивный. Были сделаны следующие выводы: 1) советский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации; для России же он был исторически логической фазой ее развития; 2) поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, распад коммунистической системы знаменует собой начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; 3) в постсоветском российском обществе западные ценности не могут быть полностью, без изменений заимствованы и усвоены, они будут перерабатываться чуждой для них культурной средой, тогда как культивируемые в СССР ценности (социальной справедливости,

⁶ См.: Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей / отв. ред. И. Т. Левыкин и А. А. Возмитель. М., 1984. С. 56–58, 93–95, 146–153.

⁷ См.: Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. М., 1988; На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990; Исторический опыт и перестройка. М., 1989; Иного не дано. М., 1988; Осмысление культа Сталина. М., 1989; В человеческом измерении. М., 1989; Погружение в трясину. М., 1991.

⁸ См.: Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И. Об историческом пути КПСС. Поиски новых подходов. М., 1990; Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988.

⁹ См.: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 257–259; Он же. История Советского Союза: в 2 т. 1917–1964. М., 1990.

человеческой солидарности) сохраняют свое значение в социокультурной практике.

В последние годы существования СССР зревают идеи и концепции либерально-радикального реформирования, альтернативного официальной версии «перестройки в русле социалистического выбора». Формулируется мысль о неизбежности для России осуществления тройного перехода: 1) от централизованно планируемой экономики (командной экономики, экономики бюрократического торга) к свободной рыночной, 2) от тоталитарного (авторитарного) политического режима, оказавшегося на рубеже 1980–1990-х гг. на стадии интенсивной демократизации, к демократической политической системе, 3) от имперской формы государства к национальной. Все это являлось составными элементами Большого перехода — продвижения российского общества от несвободного состояния к свободному, требовавшего освобождения экономического, политического и национального.¹⁰

Либеральный подход стал концептуальной основой для многих историков, политологов, экономистов и социологов, своеобразным мейнстримом в общественно-политическом дискурсе России в 1990-х гг. В это время создается массив литературы, посвященной выявлению характерных черт советского варианта тоталитаризма. Авторы вызвавшего широкий резонанс учебника «нового поколения» «Наше Отечество. Опыт политической истории» (М., 1991), признавая, что в книге много трагического и тяжелого для восприятия, подчеркивали, что являются носителями правды, которая служит «единственным целителем травм общественно-политического сознания, нанесенных ему тоталитарной ложью». Повествование о советской истории завершалось утверждением, что «12 июня 1991 г. был сделан поистине исторический выбор: от тоталитарных оков — к правовому государству, от “человеческого фактора” — к Человеку... Этим выбором наш народ еще раз доказал свою решимость занять достойное место равного среди равных обитателей ойкумены».¹¹ В это же время складывается новая периодизация советской послевоенной истории («поздний сталинизм», «хрущевская оттепель», «брежневский застой», «горбачевская перестройка»).

¹⁰ См.: Илларионов А. Н. Слово и дело // Журнальный зал: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/145/il11.html>.

¹¹ Наше Отечество. Опыт политической истории. Кн. 2. М., 1991. С. 619.

В «первой волне» либеральных публикаций (1990-е гг.) преобладали крайне жесткие оценки, отрицающие положительный опыт советской истории, подчеркивающие бесчеловечную сущность и историческую бесперспективность советского политического режима (сталинизма).¹² Стремление вырваться из глубокого системного кризиса приводило к радикальной смене идеологических символов, тиражированию антисоветских и антикоммунистических идей и мифов. В русле «транзитологии» обосновывалась мысль о неизбежности переходного периода с сильными авторитарными тенденциями в ходе трансформации тоталитарного (советского) государства в демократическое (российское).

Для «второй волны» либерального дискурса (конец 1990-х — 2000-е гг.) характерно некоторое смягчение оценок, связанное как с введением в научный оборот новых массивов архивных документов, так и с изменением политической конъюнктуры, потребовавшей «микшировать» негативистские оценки советского периода истории.¹³ Тем не менее, в «знаковых» для либеральной традиции работах Е. Т. Гайдара¹⁴ представлена концепция о неизбежности гибели «советской империи» под давлением ее имманентной экономической неэффективности, переставшей в последний период своего существования отвечать на вызовы времени, решать накопившиеся проблемы.

Так и не преодоленная адептами этих дискурсов идеологическая и политическая ангажированность способствовала появлению в историографическом пространстве модернизационной парадигмы, в русле которой исследователи стремились органично вписать историю СССР в контекст мировых процессов

¹² См.: Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992; Бакунин А. В. История советского тоталитаризма: в 2 кн. Екатеринбург, 1996–1997; Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: в 3 кн. М., 1995; Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998; Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996 и др.

¹³ См.: Даниелс Р. Взлет и падение коммунизма в России (1917–1991). М., 2011; Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Зубок В. М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011; Попов В. П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005 и др.

¹⁴ См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005; Он же. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

XX в., рассматривая советский исторический опыт как один из незападных вариантов перехода от традиционного к современному обществу. Большой вклад в становление и развитие данной историографической традиции внесли представители Уральской исторической школы под руководством академика РАН В. В. Алексеева.

В русле модернизационной макротехории советский исторический опыт трактуется как осуществленный вариант перехода от традиционного к современному типу общества с присутствующими советской мобилизационной модели этого перехода проблемами и противоречиями. В частности, А. Г. Вишневский, А. В. Голубев, В. А. Красильщиков, О. Л. Лейбович¹⁵ считают «хрущевское десятилетие» одним из самых важных периодов в российской истории XX в. с точки зрения модернизации общества. Именно в эти годы, по мнению В. А. Красильщикова, существовала возможность провести модернизацию не «вдогонку», а действуя на опережение других стран, не повторяя в ускоренном темпе путь Запада. А. Г. Вишневский, отмечая черты ограниченности советской модернизации, называет ее «консервативной», «инструментальной», показывает, что она, опираясь на устаревшие социальные механизмы и консервируя их, не способствовала развитию современных институтов рыночной экономики и политической демократии и поэтому осталась незавершенной. А. В. Голубев обращает внимание на процесс возникновения и закрепления новых социальных связей, на оформление в 1950–1960-е гг. первых ячеек гражданского общества, чему способствовало прекращение политики открытого массового террора, не сопровождавшееся, однако, серьезными преобразованиями в политической системе. В 1970–1980-е гг. происходила лишь имитация позднеиндустриальной модернизации: экономике не хватало ресурсов, которые во все больших масштабах направлялись в военно-промышленный комплекс; расплылись капиталовложения, стимулируя экстенсивный путь развития; наметилась тенденция снижения социальной мобильности людей; обозначился социокультурный раскол в обществе,

т. е. стала углубляться пропасть между столицами, крупными и малыми городами и деревней. Западный мир вступал тогда во второй этап НТР — в информационную революцию, которую «просмотрели» руководители СССР. Столкнувшись с вызовами позднеиндустриальной эпохи, СССР не сумел вписаться в ее контекст и оказался отброшенным по многим параметрам индустриализма. В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов¹⁶ в русле модернизационной парадигмы показали, как происходило нарастание центробежных тенденций, какие политические и экономические акторы объективно были заинтересованы в кардинальной трансформации советской системы. Они также рассмотрели механизмы и логику развертывания «горбачевской перестройки», выявили важнейшие эндогенные и экзогенные факторы дезинтеграции страны, установили «иерархию» причин распада СССР.

Модернизационные процессы, происходившие в аграрной сфере и сельском социуме России в XX в. Г. Е. Корнилов определил как аграрный переход, включающий сложные и противоречивые процессы, имевшие место на протяжении всего столетия. В послевоенном СССР это введение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, (экономическая трансформация); изменение типа воспроизводства сельского населения, разрушение сельской патриархальной семьи, массовые перемещения крестьян (демографическая трансформация); демократизация общественно-политической жизни, участие крестьянства в политических процессах, в деятельности партий, движений (политическая трансформация); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрение грамотности, городской культуры и городских ценностей секуляризации сознания и образа жизни (культурная трансформация); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (социаль-

¹⁵ См.: Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Голубев А. В. Россия, век XX // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80–92; Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.

¹⁶ См.: Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20; Артёмов Е. Т. «Продолжая дело Октября». К 25-летию начала перестройки // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука. Общество. Человек. 2010. № 2 (32). С. 31–43.

ная трансформация); изменение сельской поселенческой сети (трансформация сельского расселения).¹⁷

Исследователями, среди которых выделяются представители Уральской исторической школы, выполнен ряд трудов, посвященных истории советского модернизационного проекта в региональном измерении.¹⁸ В них показано, что разработка и реализация комплексных хозяйственных программ в восточных районах СССР (в Сибири, на Ямале), осуществленных в рамках советской мобилизационной стратегии, имели большое значение для роста экономики страны, для укрепления ее геополитических позиций, позволяя СССР сохранять статус сверхдержавы. Раскрывая масштабную эпопею целенаправленных и планомерных научных поисков месторождений нефти и газа в 1950–1960-е гг., освоения открытых месторождений в 1970–1980-е гг., авторы показали пути и механизмы достижения в суровых условиях весомых результатов, оказавших существенное влияние на улучшение топливно-энергетического баланса страны.

Итак, существующие отечественные историографические традиции транслируют в общественное сознание три целостных образа недавнего прошлого СССР — «оптимистический», «пессимистический», «реалистический».

«Оптимистический» образ базируется на признании СССР одной из ведущих мировых держав в истории второй половины XX в., завоевавшей этот статус благодаря решающему вкладу в победу во II Мировой войне. Необходимой платой за сохранение своего геополитического положения в мире в условиях «холодной войны» явилась мобилизационная модель развития общества во главе с сильным, идеологически ориентированным на построение социализма и коммунизма государством. Существовая как многонациональное государство, создавшее новую историческую общность — советский народ, СССР представлял одновременно «реинкарнацию» Российской цивилизации в образе «красной империи».

Всего лишь за четыре с половиной десятилетия после окончания тяжелейшей войны, принесшей неисчислимые бедствия и страдания, в стране были осуществлены мегапроекты (создание ракетно-ядерного «щита»; масштабный промышленный рост; советская космическая программа; развитие одной из лучших в мире систем образования и здравоохранения). Если до начала развернутого строительства социализма объем промышленного производства СССР составлял всего лишь 12% объема промышленного производства США, то всего за полвека он возрос до 80%; объем сельскохозяйственного производства Советского Союза стал равен в среднем 65% сельскохозяйственного производства США. Хотя уровень потребления на душу населения в СССР по некоторым показателям продолжал отставать от соответствующего уровня США, однако ни в каком другом обществе, кроме советского, за столь короткие исторические сроки не был обеспечен такой быстрый и решительный рост уровня жизни и потребления практически всего населения страны.¹⁹

Замедление темпов экономического роста, снижение эффективности экономики к концу 1970-х гг., гипертрофированное развитие ВПК, нарастание трудностей на потребительском рынке и другие проблемы, связанные с необходимостью корректировки сталинской модели социализма в новых исторических условиях, были многократно усугублены с «помощью» Запада, стремящегося к уничтожению СССР как геополитического противника, и «благодаря» усилиям «пятой колонны» в лице предавшей идеалы социализма псевдокоммунистической элиты.

«Пессимистический» образ прошлого СССР основан на констатации имманентно присущей советской модели исторической бесперспективности, «утопии у власти». Тоталитарные, авторитарные черты характеризуют сущность «русской системы» власти в политических режимах Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова. Советские политические лидеры совместно с партийно-государственной номенклатурой являлись главными архитекторами недемократического советского строя. Политическая элита в СССР была подвержена селекции, начавшейся после революции 1917 г., испытывала все возрастающее давление извне, принимая чуждые советской системе западные

¹⁷ См.: Корнилов Г. Е. Особенности аграрного перехода в России в XX в. // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009. С. 178.

¹⁸ См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004; История Ямала: в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010; Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова и др. Тюмень, 2011.

¹⁹ См.: Киран Р., Кенни Т. Указ. соч. С. 8, 9.

ценности, что способствовало ее «демонтажу». Советская модель, лишившая экономику внутренней мотивации к качественному труду, к интенсификации производства и научно-техническому прогрессу, привела к долговременной тенденции замедления темпов экономического роста с конца 1950-х гг., к его прекращению с конца 1970-х гг. и к развалу СССР. Плановое, идеологическое, дисциплинарное «подстегивание» темпов экономического роста привело к огромному количественному наращиванию «вала» советской продукции, как правило, неконкурентоспособной, не отвечающей стандартам мирового рынка, кроме продукции добывающей промышленности и ВПК.²⁰

Вместе с тем в «нерыночном» СССР существовал особый административный рынок, жестко, но многомерно иерархизированная синкретичная система (где экономический и политический компоненты не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертировались друг в друга по определенным правилам, меняющимся во времени. Критерии успешной деятельности на административном рынке заключались в повышении статуса в иерархиях власти. В стране действовала не командная система, а «экономика согласований», «бюрократический рынок», построенный на обмене-торговле, осуществляемой органами власти и отдельными лицами. В отличие от обычного, денежного рынка товаров и услуг, на «бюрократическом рынке» происходил обмен не только материальными ценностями, но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе. Само существование СССР стало предметом административного торга, закончившегося самоликвидацией союзного уровня этого «базара».²¹

Институциональная жесткость сложившейся системы, отсутствие в ней механизмов обратной связи, невозможность получать своевременную информацию о протекающих в стране и в мире процессах, а также зависимость советской системы от дешевых ресурсов обусловили неспособность СССР к эволюционной трансформации и развитие системного кризиса.

Наряду с нарастающей экономической неэффективностью, в СССР постепенно и неуклонно размывались внедряемые официальной пропагандой идеологические ценности. За период с 1945 по 1966 гг. в СССР родилось 70 млн новых граждан. В условиях быстрой урбанизации большая часть этой молодежи росла и получала образование не в селах и маленьких городках, а в крупных городах. Это было новое поколение советских граждан, в отличие от образованной молодежи 1930–1940-х гг., не грезивших о сражениях за мировой социализм. Среди них увеличивалось число этнически нерусских граждан, которым совершенно не были близки темы «российской боевой славы» и жертвенного великодержавного патриотизма.²² Под идеологический «барабанный бой», сопровождающий победные рапорты о новых поколениях патриотов, о новой исторической общности «советский народ», в стране росло инакомыслие, разочарование, возникали диссидентские настроения, неформальные субкультуры.

Постепенный отход высших советских лидеров (после Сталина) от традиционной парадигмы классового противостояния с миром капитализма получил свое логическое завершение в «новом политическом мышлении», провозглашенном М. С. Горбачевым, в окончании «холодной войны», вести которую СССР в последние годы своего существования был фактически не в состоянии из-за внутренних социально-экономических проблем. Распад СССР произошел мирно, без кровопролитной гражданской войны, что свидетельствует об его искусственном характере и о безразличии к его судьбе миллионов граждан, стремящихся выйти из исторического тупика советского периода истории.

«Реалистический» образ прошлого СССР строится вокруг утверждения о движении СССР от традиционного к современному обществу отличным от Запада путем, что подтверждается модернизационными трансформациями в политической, экономической, социокультурной сферах. Советские трансформации, в отличие от слабых воздействий имперского периода, кардинально изменили природу Российской цивилизации. Она догнала Атлантическую цивилизацию по многим параметрам и включилась в мировую индустриальную цивилизацию, вместе с тем в

²⁰ См.: Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997.

²¹ См.: Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000.

²² Зубок В. М. Указ. соч. С. 269.

основном сохранив свою природу. Социалистический проект был непосредственно связан с проблемой преодоления отставания от западных стран в уровне социально-экономического развития. Содержание, темпы и способы советской модернизации отличались явной оригинальностью, но они органично вписывались в традиционную, мобилизационно-распределительную модель развития российского общества.²³

Советская система имела свои достижения, она решала значимые для российского общества проблемы модернизации, но сохранить завоеванные позиции не смогла, что не означает искусственности и изначальной бесперспективности реализованной стратегии. В ходе советской модернизации земледельческий характер экономики сменился на индустриальный, а сельский образ жизни — на городской; средняя продолжительность жизни к 1970 г. достигла 70 лет, в то время как в начале века она составляла 32 года.²⁴

Глубокие структурные изменения в экономике и социальной сфере, радикальное повышение образовательного и культурного уровня населения, влияние глобальных тенденций развития порождали новые проблемы и создавали новые возможности. Осознание этих реалий мотивировало реформаторские устремления, которые инициировались «сверху». Первую попытку проведения масштабных реформ предприняло хрущевское руководство, вторую — горбачевская команда. Объективные потребности и общественные ожидания вынудили советское руководство пойти на определенный пересмотр приоритетов. Наряду с дальнейшим упрочением оборонного могущества было признано необходимым добиться заметного роста жизненного уровня населения посредством ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности производства. В социально-политическом плане намечалось построение «социализма с человеческим лицом». Советская модель модернизации обеспечила переход к индустриальному, урбанизированному обществу с соответствующими социально-профессиональной структурой и образом жизни населения. К концу

советской эпохи производство ВВП на душу населения было в СССР в пределах 40% от уровня США.²⁵ Доля СССР в мировом ВВП достигла пика в 1960 г., составляя чуть менее 9%, а в 1980 г. этот показатель опустился до уровня 1913 г. — до 6,8%, т. е. восходящая линия экономического развития страны повернула вниз, вслед за периодом «взлета» советской индустриальной системы наступила эпоха «усталости». В результате советский период оказался для России временем несбывшихся ожиданий. В последние 150 лет отставание России от стран-лидеров экономического роста устойчиво составляет полтора-два поколения. И попытка реализации социалистического проекта ничего принципиально не изменила.²⁶

Заметим, что эти концептуальные образы и картины вызывают различные ассоциации («советской Атлантиды», «красной империи», «тоталитарного, совкового монстра», «индустриального гиганта» и др.), акцентируя внимание на политической и экономической составляющих исторического феномена СССР, что вполне понятно в современных условиях жесткой цивилизационной конкуренции. В то же время для создания общества, основанного на инновационных механизмах развития, крайне необходимо наличие «драйва» у населения страны, источником которого является не только высокий уровень его доходов и личного потребления. Обратим внимание на точку зрения И. А. Гундарова, утверждающего, что алкоголизация, табакокурение и экологическое неблагополучие не являются существенными факторами резкого роста смертности.²⁷ Решающим фактором, на основании анализа данных за последние сто лет, специалисты считают духовное неблагополучие (ощущение безысходности, ненужности, потеря смысла жизни). Они полагают, что в СССР 1960–1970-х гг. качество жизни населения в целом было не ниже качества жизни населения ведущих западных стран, хотя уровень жизни в СССР был примерно в 2 раза ниже. Можно привести такой пример. Когда в Советском Союзе эскимосов переселили из традиционных жилищ иглу в комфортабельные квартиры, уровень их жиз-

²³ См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург, 2011. С. 91, 97.

²⁴ См.: Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Урал. ист. вестн. 2010. № 3 (28). С. 11.

²⁵ См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций... С. 112–114.

²⁶ См.: Артёмов Е. Т. Социалистический проект в российской модели развития // Урал. ист. вестн. 2010. № 3 (28). С. 83.

²⁷ Гундаров И. А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 58, 59.

ни повысился, но так же резко вырос уровень смертности, поскольку «они стали вымирать от тоски».²⁸

Современные социологические исследования показывают, что символы величия россияне в основном «черпают» в советском прошлом страны и что Россия «зависла» на промежуточной ступени — между распадающейся советской идентичностью и пока не сложившейся до конца национально-государственной идентичностью.

Четыре с половиной десятилетия существования Советского Союза в мировой истории после окончания II Мировой войны по-прежнему таят в себе немало загадок, являются почвой для существования различных мифологем. Объяснительный потенциал ограничен полярными суждениями: от признания неизбежной исторической конечности во времени и пространстве феномена СССР до утвержде-

ний о реализованном заговоре, погубившем самобытную, прогрессивную советскую цивилизацию. Разнообразие суждений, трактовок, интерпретаций, исследовательских подходов к цивилизационному, социокультурному феномену СССР и его «следам» («пережиткам социализма») в политике, экономике, культуре, сознании и ментальности ныне живущих поколений затрудняет, и в то же время создает условия для поиска и формулирования неких оснований для историографического синтеза. Ситуация полипарадигмальности и «безграничного» научного плюрализма может рассматриваться одновременно с позиций «слабости» гуманитарного знания при объяснении столь масштабных и противоречивых феноменов как СССР, и как вполне естественная для эпохи глобальной неопределенности, в которую вступило человечество в начале XXI века своей истории.

Ключевые слова: *история СССР (1945–1991 гг.), советская, либеральная, модернизационная историографические традиции, «оптимистический», «пессимистический», «реалистический» концептуальные образы*

Anatoly T. Tertyshny

Doctor of Historical Sciences, Ural State Economic University (Russia, Ekaterinburg)

Andrei V. Trophimov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Economic University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: 2519612@rambler.ru

SOVIET UNION (1945–1991): HISTORIOGRAPHIC TRADITIONS AND CONCEPTUAL IDEAS

The article sums up some of the outcomes of the study of the historical phenomenon of the USSR (1945–1991). The authors identified major parameters of its understanding characteristic for the modern poly-paradigm cognitive situation existing within the framework of the main historiographic trends and traditions. They identified holistic conceptual images of the Soviet past which formed in the historic self-consciousness of today's Russia. The article gives an overview of some conceptual images of the Soviet Union (1945–1991) created within the Soviet, liberal and modernisation historiographic traditions.

Key words: *history of the USSR (1945–1991), Soviet, the liberal, the modernization historiographical tradition*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Alekseev V. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2010, № 3, pp. 4–14. (in Russ.).

Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V. *Otechestvennaya istoriya (National History)*, Moscow, 2003, № 5, pp. 3–20. (in Russ.).

Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V., Artemov Ye. T., Zubkov K. I., Nefedov S. A., Poberezhnikov I. V. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011, 384 p. (in Russ.).

²⁸ Почему вымирают русские. М., 2004 // Этноцид: <http://ethnocid.netda.ru/books/pvr/pvr6.htm>.

- Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Moscow: Nauka, 2004, 599 p. (in Russ.).
- Artemov Ye. T. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2010, № 3, pp. 74–83. (in Russ.).
- Artemov Ye. T. *Vestnik Uralskogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek* (Bulletin of the Ural Branch of RAS. Science. Company. People), Ekaterinburg, 2010, № 2 (32), pp. 31–43. (in Russ.).
- Bakunin A. V. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 1997, 224 p. (in Russ.).
- Bezborodov A., Yeliseeva N., Shestakov V. St. Petersburg: Norma, 2010, 216 p. (in Russ.).
- Boffa Dzh. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996, 320 p. (in Russ.).
- Boffa Dzh. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990, 632 p. (in Russ.).
- Cheshko S. V. Moscow: IEA RAN, 2000, 395 p. (in Russ.).
- Daniels R. Moscow: ROSSPEN, 2011, 512 p. (in Russ.).
- Gaydar Ye. T. Moscow: Delo, 2005, 656 p. (in Russ.).
- Gaydar Ye. T. Moscow: ROSSPEN, 2006, 448 p. (in Russ.).
- Geller M., Nekrich A. Moscow: MIK, 1995, Book 1: 504 p.; Book 2: 432 p.; Book 3: 480 p. (in Russ.).
- Golubev A. V. *Otechestvennaya istoriya (National History)*, 1997, № 5, pp. 80–92. (in Russ.).
- Grushin B. A. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001, 624 c. (in Russ.).
- Grushin B. A. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003, Part 1, 448 p. (in Russ.).
- Grushin B. A. Moscow: Progress-Traditsiya, 2006, Part 2, 544 p. (in Russ.).
- Gundarov I. A. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and Modern), Moscow, 2001, № 5, pp. 58–65. (in Russ.).
- Illarionov A. N. Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/145/il11.html> (in Russ.).
- Inogo ne dano* (There is no other). Moscow: Progress, 1988, 680 p. (in Russ.).
- Istoricheskiy opyt i perestroyka* (Historical experience and restructuring). Moscow: Mysl, 1989, 302 p. (in Russ.).
- Istoriya Yamala* (The history of Yamal), Ekaterinburg: Basko, 2010. (in Russ.).
- Karpov V. P., Koleva G. Yu., Gavrilova N. Yu., Komgort M. V., Timoshenko A. I. Tyumen: "Vektor Buk", 2011, 260 p. (in Russ.).
- Khlevnyuk O., Gorlitskiy Y. Moscow: ROSSPEN, 2011, 231 p. (in Russ.).
- Kiran R., Kenni T. Moscow: Algoritm, 2009, 304 p. (in Russ.).
- Kordonskiy S. G. Moscow: OGI, 2000, 240 p. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Tsivilizatsionnoe svoebrazie rossiyskikh modernizatsiy: regionalnoe izmerenie: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Civilizational originality of the Russian modernizations: regional dimension: Proceedings of the Scientific Conference), Ekaterinburg: BKI, 2009, pp. 176–181. (in Russ.).
- Krasilshchikov V. A. Moscow: ROSSPEN, 1998, 264 p. (in Russ.).
- Kudrov V. M. Moscow: Nauka, 1997, 303 p. (in Russ.).
- Leybovich O. L. Perm: Izd-vo Permskogo universiteta, 1993, 182 p. (in Russ.).
- Maliya M. Moscow: ROSSPEN, 2002, 584 p. (in Russ.).
- Medushevskaya O. M. Moscow: RGTU, 2008, 358 p. (in Russ.).
- Medvedev R. A. Moscow: Poligrafizdat, 2010, 640 p. (in Russ.).
- Mekhanizm tormozheniya: istoki, deystvie, puti preodoleniya* (The mechanism of inhibition: the origins, effects and ways to overcome). Moscow: Politizdat, 1988, 288 p. (in Russ.).
- Na poroge krizisa: Narastanie zastoynykh yavleniy v partii i obshchestve* (On the verge of crisis: The growing stagnation in the party and society). Moscow: Politizdat, 1990, 449 p. (in Russ.).

- Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoy istorii* (Our Fatherland. The experience of political history). Moscow: Terra, 1991, 620 p. (in Russ.).
- Naumov V. P., Ryabov V. V., Filippov Yu. I. Moscow: Politizdat, 1990, 207 p. (in Russ.).
- Osmyslit kult Stalina* (Understanding the cult of Stalin). Moscow: Progress, 1989, 656 p. (in Russ.).
- Pechenev V. A. Moscow: Norma, 2004, 366 p. (in Russ.).
- Pikhoya R. G. Moscow: Izd-vo RAGS, 1998, 736 p. (in Russ.).
- Pikhoya R. G., Sokolov A. K. Moscow: ROSSPEN, 2008, 423 p. (in Russ.).
- Pochemu vymirayut russkie* (Why Russians die), Moscow: Eksmo, 2004, 288 p. Available at: <http://ethnocid.netda.ru/books/pvr/pvr6.htm> (in Russ.).
- Pogruzhenie v tryasinu* (Dive into the quagmire). Moscow: Progress, 1991, 704 p. (in Russ.).
- Popov V. P. Moscow: NTs ENAS, 2005, 216 p. (in Russ.).
- Rumyantseva M. F. *Харківський історіографічний збірник: Sb. nauch. tr.* (Kharkov historiographical collection: collected papers). Kharkiv, 2010, Issue 10, pp. 186–195. (in Russ.).
- Satter D. Moscow: OGI, 2005, 397 p. (in Russ.).
- Shubin A. V. Moscow: Veche, 2008, 368 p. (in Russ.).
- Sovetskiy obraz zhizni: Sostoyaniye, mneniya i otsenki sovetskikh lyudey* (The Soviet way of life: Status, opinions and estimates of the Soviet people). Moscow: ISI AN SSSR, 1984, 163 p. (in Russ.).
- Stranitsy istorii KPSS. Fakty. Problemy. Uroki* (Pages from the History of the CPSU. Facts. Problem. Lessons). Moscow: Vysshaya shkola, 1988, 704 p. (in Russ.).
- Totalitarizm. Iz istorii ideologii, dvizheniy, rezhimov i ikh preodoleniya* (Totalitarianism. From the history of ideologies, movements and regimes, and to overcome them), Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1996, 537 p. (in Russ.).
- V chelovecheskom izmerenii* (In the human dimension). Moscow: Progress, 1989, 488 p. (in Russ.).
- Vert N. Moscow: Progress-akademiya, 1992, 480 p. (in Russ.).
- Vishnevskiy A. G. Moscow: OGI, 1998, 433 p. (in Russ.).
- Vozmitel A. A. Available at: <http://www.confstud.ru/content/view/16/38/1/1> (in Russ.).
- Zubok V. M. Moscow: ROSSPEN, 2011, 671 p. (in Russ.).